

RU

Феномен психологизма в романе О. Славниковой «Прыжок в длину»

Осьмухина О. Ю., Гагарина Д. Ю.

Аннотация. Статья посвящена изучению романа О. Славниковой «Прыжок в длину» в психологическом аспекте. Цель исследования – выявить специфику психологизма романа О. Славниковой. Научная новизна исследования состоит прежде всего в том, что роман «Прыжок в длину» впервые рассматривается целостно, в единстве его проблемно-тематического поля, а также в самом аспекте анализа: авторы анализируют то, как писательница репрезентует романский психологизм, опираясь на традицию Серебряного века, акцентируя внимание на действительности и инобытии, жизни и смерти как важнейших метафизических проблемах. В результате установлено, во-первых, что средствами создания психологизма в произведении являются мотивы бессознательного: суггестивность повторяющихся снов, отсылающая к традиции психологизма Серебряного века, способствует уходу персонажа от вещного мира. Во-вторых, важное функциональное значение приобретает хронотоп: хронотоп квартиры определяет психологический сюжет произведения, организует предметный мир и маркирует темы одиночества, внутренней и внешней пустоты; топосы школы, съемочной площадки, улицы определяют углубление романного психологизма и обретение героем внутренней свободы. В-третьих, средством раскрытия психологического состояния героя и совершенно особым миром, через который тайная сторона бытия проявляется наиболее отчетливо, оказывается ирреальное.

EN

The phenomenon of psychologism in O. Slavnikova's novel "Long Jump"

O. Y. Osmukhina, D. Y. Gagarina

Abstract. This article examines O. Slavnikova's novel "Long Jump" from a psychological perspective. The research aims to identify the specifics of the novel's psychologism. The scientific originality of the study lies primarily in its holistic examination of "Long Jump", considering its problem-thematic field as a whole, and in the analytical aspect itself: the authors analyze how the writer represents novelistic psychologism, drawing on the Silver Age tradition, and focusing on reality and otherness, life and death as crucial metaphysical issues. The results establish, firstly, that the means of creating psychologism in the work are motifs of the unconscious: the suggestiveness of recurring dreams, referencing the Silver Age psychologism tradition, contributes to the character's departure from the material world. Secondly, chronotope acquires significant functional importance: the apartment chronotope defines the novel's psychological plot, organizes the objective world, and marks themes of loneliness, internal and external emptiness; the topoi of school, film set, and street define the deepening of novelistic psychologism and the hero's attainment of inner freedom. Thirdly, the unreal serves as a means of revealing the hero's psychological state and a unique world through which the secret side of existence is most clearly manifested.

Введение

Начнем с очевидного: в последнее десятилетие О. Славникова стала «значимой фигурой отечественной и международной литературной жизни» (Быков, 2009, с. 491), причем писательство для нее – «особая форма медитации, которая помогает лучше понять себя и мир» (Виноградова, 2022). Она, действительно, с мастерством описывает обыденную жизнь и усложняет изображение мира посредством введения ирреального и метафизического компонента, выполняющего ключевую функцию практически во всех её романах. В одном из интервью писательница упоминает, что в своих произведениях старается изобразить человека и ситуации с ним, «в которых чувствуется поступь рока» (Акимнлаус, 2010), а фантастический элемент предстает «условной величиной, подставляемой в систему уравнений» (Акимнлаус, 2010). Именно через него и передается психологизм во всех романах О. Славниковой (от «Стрекозы...», «Легкой головы» до «Прыжка в длину»). Кстати, интерес к феномену психологизма обостряется в отечественной словесности в «порубежные», по-своему

«рифмующиеся» эпохи: в эпоху Серебряного века (достаточно вспомнить прозу В. Брюсова, А. Белого, В. Набокова, И. Бунина, творчество З. Гиппиус, М. Волошина и др.) и на рубеже XX–XXI веков, когда в центре внимания творцов художественной словесности оказываются расколота, нецельная личность, поиски человеком себя, своего «я», проблема рефлексии. Актуальность нашего исследования обусловлена, таким образом, необходимостью изучения феномена психологизма, восходящего к традиции Серебряного века, в произведениях О. Славниковой, что позволяет, во-первых, выявить специфические черты поэтики писательницы, а во-вторых, целостно осмыслить её прозу, вписав её в контекст «большого времени».

Наиболее примечательно, на наш взгляд, воплощение феномена психологизма репрезентовано в романе «Прыжок в длину» (Славникова, 2017), который явился материалом исследования. Именно здесь сама художественная действительность сложна и многомерна, и, по справедливому замечанию Е. Луценко, «судьба, преследующая человека, лишает его способности быть самим собой, жить полноценно, обрекает на чужую роль. Отсюда – пустота быта, “тихий ужас” повседневности» (Луценко, 2019, с. 90).

Задачами исследования явились: рассмотрение форм воплощения психологизма в романе; изучение хронотопа, определяющего психологическое состояние главного героя.

Методологической основой работы стали сравнительно-исторический метод, благодаря которому роман писательницы был рассмотрен в диахроническом аспекте; метод целостного анализа художественного произведения, позволивший осмыслить роман О. Славниковой в единстве его поэтики и проблематики.

Теоретической базой послужили работы ученых, занимающихся осмыслением феномена психологизма, в частности идея Л. Я. Гинзбург (1977) об эволюции методов изображения внутреннего мира, душевной жизни человека, расширении возможностей слова при изображении человеческой природы и внутренней жизни личности на разных этапах развития литературы, дополняющие ее концепции А. Б. Есина (1988) и Н. Ю. Пановой (2011), демонстрирующие освоение художественной словесностью сложных механизмов репрезентации психической жизни (внутренний монолог, символические детали, поток сознания). Кроме того, значимыми для нас были исследования, затрагивающие отдельные аспекты бытийного, метафизического (модусы времени, пустоты) прозы О. Славниковой (Гаврилкина, 2011; Климова, 2010; Луценко, 2019), а также осмысливающие творчество писательницы как метатекст с единой тематикой и проблемным полем от 2000-х к началу 2020-х гг. (Фролова, 2017).

Практическая значимость статьи состоит в том, что её материалы, результаты и общие выводы могут быть использованы в вузовском курсе современной отечественной литературы, спецкурсах, посвященных прозе О. Славниковой.

Обсуждение и результаты

Средства создания психологизма в романе О. Славниковой

Напомним, что сюжет строится на истории трагичной судьбы талантливого легкоатлета Олега Ведерникова, который накануне чемпионата мира становится инвалидом. Роковой прыжок герой совершает почти неосознанно, но при этом спасает жизнь маленького мальчика Женечки, который с этого момента входит в его жизнь. Но если после травмы Олег имеет маленький опыт в быту, то «в ментальном смысле [он] неповторим и страшен» (Славникова, 2017, с. 23). Сама по себе сложная идейная структура обостряется акцентом на ирреальном/метафизическом, которое становится решающим аспектом внутреннего состояния героев. Кроме того, прозаик для изображения целостной психологической картины вводит еще одну «реальность», граничащую с понятием «судьба».

Оговоримся, что психологическому повествованию свойственно мотивирование внутренних состояний героев с помощью внешних событий (Селиверстова, 2021), однако последние в произведении имеют потустороннее начало. Из так называемого «иноного бытия», влияющего на физический аспект существования героя, просвечивает ирреальное, при этом процесс его существования строится по условной схеме: метафизическое – герой – ирреальное.

В рамках миромодели, созданной Славниковой, «реальная» действительность является фикциональной, ускользающей как от главного героя, так и от читателя. В то же время онтологическая сторона бытия скрыта и проявляет себя лишь «симптоматически». На протяжении всего сюжетного развертывания главный герой хочет преобразить лживую действительность, тем самым посягая на истинную – на метафизическую реальность, функционирующую по своим законам. Олег неоднократно отмечает, что все происходило будто «помимо воли и сознания», силой «иноного бытия»: именно оно способно остановить воображение героя, его эмоции как субъективное начало, выступая в разных ипостасях – с одной стороны, судьба становится выше чувств, а с другой – она посредством ирреального пытается их пробудить.

Важнейшими средствами создания психологизма в произведении являются мотивы бессознательного: воспоминания, сны, галлюцинации, измененное восприятие реальности.

Стоит оговориться, что повествование в произведении ведется от третьего лица: чувства и эмоции героев преломляются через восприятие рассказчика. Образ Ведерникова, его бытие строятся на романтическом конфликте «действительного» и «возможного», который сопряжен с индивидуальной травмой. Так, на начальном этапе её переживания Олегу снится, как он «летает, но совсем по-другому. Теперь он превращается в рыбу

и вяло шевелится в густой тяжелой толще, под ним колышутся темные растительные массы, мертво белеют песчаные зыби ... видит, как его культы срастаются в мускулистый и холодный рыбий хвост...» (Славникова, 2017, с. 6). Грѐза символизирует дисфункцию как восприятия мира, так и самого себя. Помимо этого, для героя ноги были главным жизненным ресурсом, мечтой о будущем; утрата же телесного приближает Ведерникова к иному миру, заставляет акцентировать внимание на себе. При этом сон героя вызывает у него сожаление, делающее его жизнь невыносимой, – такой, что «стоило поставить рядом с Ведерниковым стакан минералки, как он готов был разрыдаться» (Славникова, 2017, с. 16). Переживание психологической травмы, во многом граничащее с посттравматическим стрессовым расстройством, свидетельствует о низкой степени защищенности героя от внешнего мира. Действительно, до травмы Олег был обычным мальчиком, посещал тренировки и мечтал о чемпионате, но уже в описании его прошлого нарратор гиперболизирует окружение юного Ведерникова, упоминая физрука с «водянисто белыми глазами», физика с «неодинаковыми ломанными бровями и большим кадыком, похожим на гриб» (Славникова, 2017, с. 26), будто намекая на его будущую драматичную судьбу. В этом ракурсе наиболее примечателен дядя Саня, который первым замечает одаренность мальчика и становится для него «проводником» одновременно и в мир большого спорта, и в реальность «после» прыжка, когда приводит Олега в баскетбол. После драматичного расставания с тренером у Ведерникова включается защитный механизм: «Он отвернул на полную краны, пустил в ванну резкую струю, так что смеситель чуть не встал на дыбы ... зажимал мокрыми ладонями уши – и все равно слышал переключку телефонов, пронзительного мобильного и басовитого домашнего; через небольшое время к ним присоединилось курлыкание дверного звонка и ... удары в дверь» (Славникова, 2017, с. 42). Примечательно в процитированном фрагменте, равно как и в упомянутом выше сне героя, использование мотива воды, вновь сопряженного с телесностью.

У героя появляется чувство тотального отчаяния, но не столько из-за несбывшейся мечты, сколько из-за осознания реальности, воплощенное в переработанном сознанием сне, где дядя Саня как «проводник» замещается другим, ирреальным его воплощением: он видит себя, лежащего на обычном столе, в то время как «остервенелый тренер запускает руку в желтой кухонной перчатке в живую дыру, перебирает, будто игрушки, округлые скользкие внутренности, отчего становится невозможно щекотно, – и вот нащупывает. Ведерников видит, как измазанная в красном желтая рука тянет из него слипшуюся сетку, сетка искрит сквозь влагу и слизь, на резиновой ладони дяди Сани лежит и капает центр, средоточие всего естества, а Ведерников тяжелеет, тяжелеет так, что стол под ним скрипит и гнется» (Славникова, 2017, с. 42). Суггестивность сна отсылает к традиции психологизма Серебряного века (достаточно вспомнить, к примеру, прозу Андрея Белого или К. Вагинова), раскрывая многомерность работы сознания героя – оно не перестает работать даже во сне, причем чувства персонажа притупляются, контрастны действительным событиям. Сон становится «обработкой» действительности, помогая Олегу до конца уйти из реальности, полной истинных предметов.

Помимо одноактных сновидений, роман насыщен сновидениями повторяющимися. Так, герой «редко, зато регулярно видел торговца во сне – и всегда это была тюрьма, грубый механизм из серых стен и черных решеток...» (Славникова, 2017, с. 117), при этом ирреальный торговец уже «представал сильно постаревшим, с тощей бородой до пупа <...> в каких-то волглых отрепьях, к которым пристала гнилая солома» (Славникова, 2017, с. 117). Сон высвечивает подлинные эмоции Олега, который не может простить виновника его травмы. Кроме этого, трагедийно-чувственным для Ведерникова является осознание, что это событие стало причиной появления в его жизни Женечки, пониманием своей одаренности и иррациональной «обычности» воспитанника. Травма как таковая в этом случае не только выступает в связи с метафизическим миром (осознанием героя власти «судьбы»), но и обуславливается психологическими процессами, характеризующими посттравматический стресс, при котором на человека, бывшего спортсмена, «давит крупнейшая психологическая нагрузка, наступает эмоциональный спад, остаётся ощущение, похожее на сильный удар прямо в лицо» (Пястолова, 2020, с. 115). Ситуация усложняется, ибо Олег понимает, что «спасение» было напрасным: «...плохо вдвойне, если талант растет, замещает собой ординарные, простым питанием занятые ткани: вычти талант, и от человека останется огрызок, а то и вовсе дыра. А вот Женечка, из которого вычитать нечего, при любых обстоятельствах сохраняет полноценность» (Славникова, 2017, с. 116). В этом проявляется и антагонизм персонажей не только в метафизической реальности, но и в сфере деятельной, сопряженной с личными способностями: истинный талант Олега замещается фикциональным, причем со «знаком минус». Так, выясняется, что «у Женечки был особый талант попадать в неприятности, каковым талантом пацанчик, на удивление, гордился. Если долго ничего не происходило, он надрывался» (Славникова, 2017, с. 101). Важным становится и то, что герой такой не один, он – собирательный образ всех людей подобного, постмодерного типа: «он – священный объект всей гуманистической культуры и нынешней посткультуры, поставившей человека-женечку выше всех институций, традиций и прочей фигни. Если человек-женечка в беде, его надлежит спасти, бросить все силы и заплатить любую цену, потому что утрата священного объекта неприемлема» (Славникова, 2017, с. 116). Таким образом, не только реальность и талант замещаются ложными воплощениями, но и сами люди становятся фикциональными, неподлинными сущностями. При этом на примере Женечки показано, что такой человек не может измениться в связи со своей «врожденной особенностью», которая находится в тесной взаимосвязи с метафизическим бытием, отрицательным по своей семантике, когда каждый положительный поступок или свойство заменяется отрицательным: показателен в этом случае Караваев в отношении к Олегу и к Ирочке, репрезентирующий дискурс насилия (Ильин, 2013, с. 167-175). Очевидно, что судьба выступает объективным началом бытия, в то время как ирреальное становится субъективным.

Функциональная роль хронотопа в романе «Прыжок в длину»

Принципиально значимым в понимании психологизма романа становится хронотоп квартиры, который маркирует тему одиночества. Для произведений О. Славникова важно, что «сквозь пелену быта проступает психологический сюжет: чувства, воспоминания, ассоциации» (Фролова, 2017, с. 209). Нарратор отмечает, что изменение помещения происходило постепенно, по мере отдаления матери: «Вещественный мир, поначалу наступавший и теснивший, постепенно стал прореживаться, легчать. Первым пропало новое кресло <...>; потом куда-то делись флаконы и шкатулки с туалетного столика, в ванной засохла мамина зубная щетка, превратилась в колтун желтых колючек и окаменелой пасты» (Славникова, 2017, с. 20), при этом, кроме «исчезающих» вещей, появляется и новый запах, «как из пустого бумажного мешка» (Славникова, 2017, с. 20). Пустое, свободное пространство выступает антитезой к внутреннему, замкнутому состоянию героя. Кроме того, со временем приобретает ещё одна функция квартиры – она становится своеобразным хранилищем вещей, связанных метафизической действительностью (пистолет, деньги). Кроме психологической обусловленности квартиры, очевидна и метафизическая её обусловленность. Примечательно, что внимание акцентируется на оставленном старом костюме отца, который символизирует период, когда Олег остался наедине с собой, поскольку он и родитель схожи во всем, являются двойниками, что маркируется и внутренними монологами героя, и зеркалом как средством идентификации (Осьмухина, 2017), границей между отраженным и отражаемым мирами, разделяющей жизнь Олега на жизнь в семье и нынешнее одиночество.

Как в хронотопе квартиры, так и в образе семьи содержится психология пустоты: «Пустота у Славникова проявляется сущностно и всегда ощутима в человеческих взаимоотношениях» (Гаврилкина, 2011, с. 160). Пустота непосредственно взаимосвязана с понятием отсутствия (внутреннего, внешнего) и выступает в контрасте с «психологией свободы», выражающейся во второй части произведения, которая раскрывается и при помощи иных топосов (школы, съёмочной площадки, улицы), и посредством других персонажей.

В целом, пространственно-временная структура романа состоит из отдельных топосов, находящихся в пределах одного города. Так, по мере раскрепощения внутреннего мира Олега меняется и обстановка. Это изменение более полно показывается на съёмочной площадке фильма о жизни легкоатлета. Согласившись на него из-за желания быть ближе к девушке, герой удивляется грандиозности помещения для съемки: «Такси доставило их к ослепительно зеркальному бизнесцентру, разложившему на четыре плоскости отражение облака, похожего на белого медведя. Лифты в здании были плавны, серебристы, отдавали во время движения чем-то вроде бледного северного сияния и нежно звенели на этажах» (Славникова, 2017, с. 226). Примечательно, что большое здание имеет зеркальную поверхность, которая становится своеобразной метафорой отражения внутреннего мира героя. Пространство это само по себе содержит много людей, что контрастирует с почти пустой квартирой и улицей. Однако, войдя внутрь, Ведерников чувствует себя «совсем неуютно» (Славникова, 2017, с. 226). Во многом это происходит от того, что Олег понимает фикциональность созданной Кириой «реальности»: «Возможно, эффект возникал от того, что некоторые персонажи, да, кажется, практически все, были представлены в двух экземплярах, впрочем, не совсем совладавших» (Славникова, 2017, с. 227). Таким образом, Ведерников, с одной стороны, оказывается внутренне свободным, с другой же – ему некомфортно от осознания, что его судьба ненастоящая. Со временем, правда, ему становится хорошо в помещении, что символизирует принятие действительности: «Теперь на Ведерникова то и дело накатывала истома: искушение сдать-ся, отдаться стихии фильма, раствориться в добре. Здесь, в огромном съёмочном павильоне, с людьми происходило только хорошее» (Славникова, 2017, с. 348). Эта обстановка выстраивает в сознании Олега реальность, не подчиненную метафизическому бытию, в чем проявляется и функция площадки как убежища от судьбы, что контрастирует с топосом квартиры как места сокрытия от реальности. Однако, как только герой выходит за пределы здания, он чувствует влияние «извне» (поскольку погибает не внутри здания).

Показательно в данном аспекте и место двойственных прыжков – улица: и в начале романа, и в финале она имеет психологическую нагрузку, связанную с внутренней трансформацией Олега (от успеха в спорте и радости до смерти). Первоначально хронотоп состоит из чахлого цветника, раскопанных труб, измазанного глиной асфальта и отражает предстоящую трагедию в физическом и ментальном плане: «Все чувства Ведерникова были обострены, все вокруг как бы обращалось к нему лично: и бледная, пухлая пена цветущих яблонь, и по одному, по два загоравшиеся окна, и восторженный визг железной качельки с маленьким, сложенным в виде зета седоком» (Славникова, 2017, с. 11). При этом место выступает в своеобразной функции «предсказателя» действий «судьбы» – стремится «помочь» герою, в то время как самого Олега будоражит «какое-то счастливое предвкушение» (Славникова, 2017, с. 11). Очевиден намеренный обман чувств, вызванный «иным бытием». Другой же уровень сознания героя и вовсе «отключается», что заставляет его делать все «помимо воли». Уже здесь обозначается превосходство «судьбы» не только над людьми, но и над местом; при этом они находятся в тонкой метафизической взаимосвязи.

Символично и то, что во время второго прыжка тревожные сигналы улицы повторяются: «Все вокруг словно обращалось к Ведерникову лично. Для него цвели яблони, словно облепленные пухлой мыльной пеной, ему улыбались витрины и картинки, все было устроено для его полета, для его торжества» (Славникова, 2017, с. 379), однако герой теперь воспринимает их по-другому – он теперь полностью автономен. Несмотря на осознание этого, своеобразный круг (сюжетный, чувственный, топологический и т. д.) замыкается, и Олег все равно погибает. На наш взгляд, это можно трактовать как победу метафизического бытия над чувственным началом, выраженным образом героя, после смерти которого образуется пустота.

Заключение

Итак, в результате исследования мы пришли к следующим выводам относительно специфики репрезентации психологизма в романе О. Славниковой.

Элементы психологической прозы в «Прыжке в длину» находятся в темной взаимосвязи с метафизической и ирреальной действительностью, которая обуславливает все ключевые события текста, его структуру. Равно как и в традиции Серебряного века (проза В. Брюсова, Андрея Белого, К. Вагинова), в романе О. Славниковой «Прыжок в длину» психологизм играет ключевую функциональную роль, не просто воплощаясь на проблемно-тематическом и образном уровнях, но и организуя внутреннее пространство, саму структуру художественного мира. Психологизм высвечивает «вечную» проблематику (вопросы жизни и смерти, любви и верности, добра и зла), становится формой воплощения ирреального и проявляется в теме судьбы, мотивах зеркальности и двойничества. Психологизм способствует раскрытию сущности репрезентации феноменов ирреального/метафизического в романе: герой ощущает, во-первых, собственную «инаковость», что маркируется мотивами сна, галлюцинации, «другого» бытия; во-вторых, раздвоенность сознания главного героя. Происходит очевидная взаимозаменяемость реальностей мнимой и подлинной: мир вещный, обыденный оказывается ирреальным, тогда как пространство инобытийное становится подлинным.

Перспективой дальнейшего исследования может стать, во-первых, осмысление других романов писательницы в контексте заявленной проблематики; во-вторых, феномен психологизма, специфика его воплощения может быть проанализирована в сравнительно-сопоставительном аспекте прозы О. Славниковой с близкими по времени создания произведениями отечественной словесности 2010-2020-х годов (М. Степновой, В. Пелевина, Е. Водолазкина, А. Поляринова и др.).

Материалы исследования | Research materials

1. Акимнлаус А. «Легкая голова» как «автобиография возможного» (интервью с О. Славниковой) // НГ. Ex Libris. 2010. https://www.ng.ru/ng_exlibris/2010-09-30/2_slavnikova.html
2. Быков Л. П. Славникова Ольга Александровна // Русские писатели, XX век: биографический словарь: А-Я / сост. И. О. Шайтанов. М.: Просвещение, 2009.
3. Виноградова Ю. Кругосветка с медитацией. Ольга Славникова о картине мира слепого скульптора, тексте, который создает сам себя, и писательских страхах // НГ. 2022. https://www.ng.ru/ng_exlibris/2022-10-12/10_1147_person.html
4. Славникова О. А. Прыжок в длину. М.: АСТ, 2017.

Источники | References

1. Гаврилкина М. Ю. Психология пустоты в романе О. Славниковой «Стрекоза, увеличенная до размеров собаки» // Вестник Бурятского государственного университета. 2011. № 10.
2. Гинзбург Л. Я. О психологической прозе. М.: Художественная литература, 1977.
3. Есин А. Б. Психологизм русской классической литературы. М.: Просвещение, 1988.
4. Ильин Е. П. Насилие как психологический феномен // Вестник Герценовского университета. 2013. № 2.
5. Климова Т. Ю. Ситуация самопознания в романе О. Славниковой «Один в зеркале» // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2010. № 4.
6. Луценко Е. М. Миражи и фобии современности: магистральный сюжет прозы О. Славниковой // Вопросы литературы. 2019. № 6. <https://doi.org/10.31425/0042-8795-2019-6-90-103>
7. Осьмухина О. Ю. Набоковский дискурс прозы О. Славниковой (на материале романов «Один в зеркале» «Бессмертный») // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2017. № 1.
8. Панова Н. Ю. Психологизм художественной литературы как отражение внутреннего мира человека (теоретический аспект) // Актуальні проблеми слов'янської філології: міжвуз. зб. наук. ст. Серія «Лінгвістика і літературознавство». 2011. Вип. XXIV. Ч. 2.
9. Пястолова Н. Б. Посттравматическое стрессовое расстройство у спортсменов // Физическая культура. Спорт. Туризм. 2020. № 2.
10. Селиверстова М. О. Языковые средства создания психологизма в романе Л. Слимани «Chanson douce» // Филологические науки. 2021. № 4.
11. Фролова Г. А. Хронотопический образ границы в романе О. Славниковой «Стрекоза, увеличенная до размеров собаки» // Ученые записки Казанского университета. 2017. № 1.

Финансирование | Funding

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-18-00764, <https://rscf.ru/project/25-18-00764/>; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского.

The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation No. 25-18-00764, <https://rscf.ru/project/25-18-00764/>; Russian Christian Academy for Humanities named after Fyodor Dostoevsky.

Информация об авторах | Author information**RU****Осьмухина Ольга Юрьевна**¹, д. филол. н., проф.**Гагарина Дана Юрьевна**²¹ Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева, г. Саранск;

Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского, г. Санкт-Петербург

² Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева, г. Саранск**EN****Olga Yurievna Osmukhina**¹, Dr**Dana Yurievna Gagarina**²¹ National Research Ogarev Mordovia State University, Saransk;

Russian Christian Academy for Humanities named after Fyodor Dostoevsky, St. Petersburg

² National Research Ogarev Mordovia State University, Saransk¹ osmukhina@inbox.ru, ² pd-20042@mail.ru**Информация о статье | About this article**

Дата поступления рукописи (received): 02.08.2025; опубликовано online (published online): 10.09.2025.

Ключевые слова (keywords): роман О. Славниковой; феномен психологизма в творчестве О. Славниковой; традиция Серебряного века; мотивы бессознательного; современная русская проза; O. Slavnikova's novel; phenomenon of psychologism in O. Slavnikova's work; Silver Age tradition; motifs of the unconscious; contemporary Russian prose.